

18+

НЕБЫТИЕ

Дмитрий Аббасов

Дмитрий Аббасов

Небытие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69415165

ISBN 9785006026094

Аннотация

В жизни непременно наступит момент, когда человек спросит себя: куда идти, к чему стремиться? И хорошо, если кто-то поможет советом, протянет готовый сценарий – плыви по течению и не рассуждай. Но все ли готовы идти таким путем? Главный герой – художник, только окончивший академию. Он был лучшим учеником своего мастера. Однако он не желает просто писать картины, он пытается постичь смысл своего существования – как человека и как творца, привлекая для этого философию и литературу.

Содержание

НЕБЫТИЕ	5
ГЛАВА I	6
Петрикор	6
Мастерская	8
Двор	12
Лето	13
Осень	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Небытие

Дмитрий Аббасов

© Дмитрий Аббасов, 2023

ISBN 978-5-0060-2609-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕБЫТИЕ

Отчего нынче каждому столь необходимо явить миру свою боль? Впрочем, иной даже и словом не обмолвится об оной, но между тем сочинит десятки горестных стихов и песен; напишет дюжину унылых пейзажей – и все они будут шептать о его боли, все они будут намеком на тот мир, что скрыт в тиши его молчанья, что существует лишь в нем одном. Словно столь многие брошены в этот мир лишь для того, чтобы пораниться и заболеть. И для того лишь, чтобы болезнь эту воспеть.

ГЛАВА I

Петрикор

Все началось со странного чувства, нового и незнакомого мне прежде – некоего предчувствия. В ту пору вдоль серых и узких дорог, между ветхими зданиями минувших эпох, лежал мой путь. Все ближе и ближе я подбирался к старым хрущевкам, все проворнее и шустрее огибал каждую из лужиц. Моросил дождь, земля была мокрой, пахло влагой. Дороги становились все уже, а здания все теснее прилегали друг к другу.

Достигнув нужной арки, я тут же скрылся в ней и, вынырнув, попал во двор, где приятный запах дождливой сырости сменял едкость загазованных дорог.

Преодолев стальные двери подъезда, будучи уже по ту сторону, я невольно зацепился взглядом за пронесшийся мимо двор, в котором некогда пребывал. Дверь захлопнулась, и позади остались сотни окон, в потемках которых изредка мелькали образы местных зевак. Обитатели лавок, нервные курильщики на балконах, бродячие собаки, бездомные – все они остались там, позади, в дворовой тиши. Лишь дуновение ветра все также были, они проникали во владения холодных стен, волновали обшарпанную деревянную форточку, то

и дело покачивая ее из стороны в сторону. Там были десятки ступеней да старые лампочки, где-то исправно освещающие все пространство, а где-то уже мельком искрящиеся на заре своих жизней. Моя тень, давеча покинувшая былой мир, нынче поселилась в этом, всецело ему покорившись. Она плавно плыла вдоль ступеней, сопровождаемая еле слышной поступью моих шагов, она то растворялась во мраке, то возникала вновь. Наконец я достиг цели – нужная дверь была открыта, и пространство, сокрытое за ней, осветило некогда мрачный подъезд. Мгновение – и дверь тут же захлопнулась вновь; лучи света исчезли, а с ними исчез и я.

Мастерская

То был дивный и некогда любимый мною мир. Мир, где рождается новое, мир творческих мук и капризных муз – мир искусства. Я еще не успел толком разуться, как в мои ноздри проник чарующий и столь редкий запах, присущий только лишь этому миру. Всецело повинувшись ему, я, наконец, снял обувь и медленно побрел навстречу. Я шел вдоль десятка полотен, что украшали эти стены, вдоль еще чистых и белоснежных холстов, что обитали внизу, пока не достиг его – источника чарующего аромата. Потолок там был довольно высоким, пространство – весьма обширным. Вдоль стен располагались стойки с разного рода композициями. Были там самовары, гипсовые фигуры, разноцветные ткани, бутафорские фрукты, овощи и засушенные рогалики, покусанные кем-то в далекие времена. В каждом углу находились статуи, или, если точнее – бюсты. Они более величественные, чем те, что составляли часть композиций. Был там и прекрасный бог солнца – Аполлон, и не менее прекрасный, но загадочный бог – Дионис. Надо сказать, что не только боги украшали это место своими ликами, но и мудрец Сократ, расположившийся на подоконнике подле Аполлона, напоминал о себе. Только вот в ту пору что Сократ, что Аполлон и Дионис ничего для меня не значили. Они были лишь некой декорацией, как и все обилие вещей, окружавших меня. Их

символические значения были мне неведомы, следовательно, и нечто большее тоже. Но стоит заметить, что тогда я все-таки был ближе к Аполлону, мне только предстояло попасть под чары Диониса.

В центре комнаты меня уже ждал мольберт с нагроможденным на него холстом, подле которого был приятной наружности пожилой мужчина – мой учитель. Теплой улыбкой он поприветствовал меня и легким движением руки подзвал к себе. Зашумели все принадлежности, некогда сокрытые в моем чемоданчике. Наконец, все было готово, и я, вооруженный всеми инструментами, что присущи художнику в момент творения, – начал писать.

Чуть позже, ближе к закату, учитель начал включать дополнительные лампы. Один светильник был позади меня; когда он вспыхнул, резкая тень вдруг возникла на холсте. Я был вырван из своего творческого транса. Секундою назад на холсте были цвета и контуры, фигуры и формы, теперь же все это утонуло в моей тени. Она так резко и так явно заявила о своем величии, могуществе и силе, что я оробел. И ничего не оставалось мне более, кроме как замереть и всецело отдаться лишь ей. Было в этом что-то таинственное, что-то доселе сокрытое от меня... Но все-таки это была моя тень, и все-таки не будь ее, не было бы и меня. Но был ли я до той поры, до того момента, как она явила себя? Я этого еще не знал. Казалось, прошла вечность, и все же это было лишь мгновенье. Вскоре учитель, заметив мое неудобство,

поправил свет. Тень спала. А между тем я почувствовал, как что-то покинуло меня. Все же то предчувствие, то странное чувство, так часто возникавшее у меня, предвещало именно эти секунды – секунды моего пробуждения. Но это было только начало.

Надо мной нависла фигура учителя, он смотрел на меня вопросительно и уже было хотел нарушить царившую некогда тишину, но я предвосхитил его. Шокированный минувшим озарением, поспешил его выразить:

– Кажется, я утратил смысл. Впрочем, я только сейчас осознал, что и ранее не ведал ни о каком таком смысле. Это незнание – было мне неизвестно. Но вот теперь все изменилось. И я чувствую беспомощность. Посмотрите: я стою, пишу эту картину, а тем временем сомнения одолевают меня. То, что было очевидно раньше, таковым более не является. Я начинаю понимать, что раньше творил по инерции, это было так бездумно... Так бездумно, Боже! Да и когда – раньше? Долей секунды назад, всего долей! Когда-то я мечтал быть художником, но теперь у меня и рука не поднимается завершить эту картину. Стоит мне собраться, как что-то шепчет о тщетности всего... Далее писать я не хочу, вернее, не могу. Я чувствую туман, что жадно поглощает все мои иллюзии. Все заполняется мглой, и не видно ничего. Мечта моя поблекла. И из всех моих чувств осталась лишь беспочвенность... Что мне остается? Просить у вас совета? Я не знаю, что мне делать... Как вы думаете, в чем заключает-

ся смысл всего этого? В чем смысл картин, песен, стихов...
В чем смысл искусства?

Двор

Грохот железных дверей отделил меня от подъезда. Передо мной предстал все тот же, но уже совершенно пустой двор. Было темно, тихо и сыро. Издали доносился лай собак. Воздух был прохладный и чистый – после дождя. В тот момент я почувствовал, что теперь действительно жив. Разумеется, я знал, что еще дышу, что сердце мое еще способно биться, что мысли мои все еще несутся в бесконечном потоке. Определенно, я был еще жив, но то было лишь знание – логическое умозаключение, лишённое каких-либо чувств. Однако именно в ту минуту все стало иначе – я чувствовал жизнь. Замедляя шаг, старался растягивать этот миг как можно дольше. Я шел и ощущал жизнь каждого лепестка, каждой веточки, каждого деревца; что-то изменилось в моем восприятии. Жизнь, наполнявшая бытие вокруг, наполняла и меня, я был частью ее. Я был по-настоящему жив, но лишь только в эти секунды. Неужели она такая – настоящая жизнь?

Лето

Я закончил свою картину. Она так и не смогла подарить мне столь желанное чувство завершенности. Я не любил эту картину, более того – я ее ненавидел. Тогда еще, у меня в мыслях, она ассоциировалась с той самой тенью, взгляды-ваясь в темноту которой, я потерял, как мне тогда казалось, все. Но имел ли я что-то в действительности?

Учеба и защита диплома были позади. Но также позади осталась и жизнь Учителя – он умер этим летом, незадолго до защиты моего диплома. Его смерть меня не тронула. В конце концов, каждый день кто-то умирает, и почему же он не может быть твоим знакомым?

Помню, стоял солнечный день. Я и другие студенты под руководством строгой вдовы собрались в мастерской, чтобы вместе провести уборку – забрать свои эскизы, холсты и прочие принадлежности. Мы редко пересекались прежде; кто-то учился там же, где и я, иные же были и вовсе мне незнакомы. Так или иначе, все они были связаны с искусством, с этим запахом, с Учителем, наконец, связаны с этим миром. Я же этой связи более не чувствовал, напротив, все казалось чуждым, каким-то пустым. Все было по-другому, не так, как пару месяцев назад. В те дни я считал бы их своими потенциальными приятелями и коллегами, но теперь они виделись мне иначе. Чем больше я наблюдал за ними – как общаются,

о чем говорят, как жестикулируют – тем противнее они становились моему взору. Я думал: «Неужели я был как они?» С каждой секундой я все больше осознавал, что лишний среди них. Тогда мне казалось, что они лгут. Я им не верил, не верил в их истинную заинтересованность искусством, в их любовь и страсть к этому ремеслу. Они виделись притворными актеришками, что решили лишь сыграть роль художников. Вот они избрали сцену, однако, надо заметить, несколько отличную от других, но все же сцену. Вот они изучили роль. Наконец, надели маски, да так крепко, что те вросли в их черепа. И вот оно! Представление начинается! Представление длиною в жизнь. Правда, если бы меня тогда спросили: каким должен быть истинный художник? – я бы не ответил, но уверял бы, что они – точно не художники.

Во время уборки я наткнулся на свою старую работу, то был Аполлон, написанный мною на третьем курсе. Забавно, внизу я оставил надпись – «познай себя».

– Мне нравится! Это твоя работа? – раздался женский голос позади.

– Мне нравится, – тихо повторил я. – Разве в искусстве есть такое понятие, как «нравится»? Все вы мастера сводить все к себе. Вот только если мне не нравится Мадонна Рафаэля, значит ли это, что картина перестает быть искусством? В конце концов, какая разница, что кому нравится, а что не нравится? Мы ведь ничто, не так ли? Как ты можешь, будучи художником, мыслить подобными категориями? Разве

искусство создается не ради великой идеи, нежели для симпатии индивида? Вот дай дураку почитать что-то толковое, и он скажет: «Мне не нравится!» А почему он так скажет? Потому лишь, что неспособен понять. Но дурак еще ладно, он хотя бы честен в своей дурости. Куда хуже те, которые не понимают, но при этом ищут, как бы привязать это к себе; они акцентируют внимание на каких-либо абстракциях, вырванных из контекста, и говорят: «Мне это нравится». При этом не смыслят в этом ничего, лишь делают вид, что смыслят, – эти хуже прочих. Увы, по-настоящему может оценить только тот, кто постиг муки творчества.

– Разве, чтобы мне понравилась какая-либо вещь, я должна понимать, как она сделана? – удивленно спросила незнакомка и опустила взгляд на сумочку, что была у нее в руках. – Хм, а вот чтобы оценить, скажем, сумочку, я должна уметь шить?

– Искусство – это не сумочка, искусство – это не вещь...

– Хочешь сказать, что вот та картина или даже этот рисунок у тебя в руке не есть вещь? Но что же это тогда? – ухмыльнулась незнакомка.

– Вещь, – с раздражением признал я, – но только ли вещь? – Я было набрал воздуха, собираясь продолжить речь, как она перебила меня.

– Вот так, – вздохнула она, – подходишь к человеку, чтобы доброе слово сказать, а он тебе выдает такое... Говорит о каких-то категориях, начинает намекать, мягко говоря, на твое

невежество, так еще и заключает, что мы – ничто, – рассмеялась наконец незнакомка.

– А разве ты есть что-то? Ну вот что? – утомленно вымолвил я.

– Все очень просто! Я – Ася, вот кто я.

– Повторюсь: ну и что ты есть, Ася?

В этот раз она не спешила отвечать, а лишь молча приблизилась ко мне и шепнула:

– Хватит. – Ее взгляд вмиг сделался серьезным. – Всем нам горестно, все мы скорбим, умер наш учитель, он был хорошим человеком и прекрасным преподавателем. Так что перестань дуться и вредничать, зачем ты наполняешь это прекрасное место негативом? – Тут она снова ухмыльнулась и спешно удалилась.

Помню, в те минуты я стал себе противен, ведь я не чувствовал горечи, не чувствовал скорби от утраты. Ничего не чувствовал! Если бы Ася тогда меня спросила: «Неужели сейчас так важны вопросы об искусстве?» – я бы непременно ответил: «Да, важны!» Ведь что-то страшное случилось еще до смерти Учителя. Его смерти предшествовало мое изгнание из рая, я был беспокоен в себе самом. Я сделался лишь мыслящим телом без чувств. Чего бы ни коснулись мои мысли, я обнаруживал лишь бессмысленность, которая сводила с ума. Те, некогда желанные мною общества, теперь же были словно враги. Мое прошлое было перечеркнуто раз и навсегда – оно тоже стало видеться мне ложным. Себя же я считал

пробудившимся ото сна, вот только что делать с новой явью, я не знал. Я жаждал лишь ответов и ничего более.

По завершении уборки Ася снова подошла ко мне, она захотела пройтись. Я не был против, тем более, как оказалось, нам было по пути. Мы шли вдоль советских домов, на улице было светло и жарко. Мы молча прошли около ста метров, пока Ася не нарушила тишину.

– Я знаю! – выпалила она.

– Что ты знаешь? – Я замедлил шаг.

– Тебя нисколечко не волнует смерть Учителя! Тебе все равно!

– Откуда тебе знать?

– Я это почувствовала! Я поняла это, когда говорила с тобой. Ты был такой разбитый, такой угрюмый, я подумала, это из-за Учителя, но явно ошиблась. – В смущении она затихла на пару секунд и остановилась, но увидев, что я продолжаю идти, она поспешила догнать меня и снова заговорила: – Я слышала о тебе раньше, слышала лично от Учителя! Он рассказывал о тебе!

– Ну и?.. – безразлично протянул я.

– Мне интересно было увидеть тебя лично. Он ведь говорил, что ты самый лучший из его учеников... И возлагал на тебя большие надежды. Я сразу угадала тебя в толпе. Сразу!

– А мне-то что с того? Ну вот что? Пойми, меня это не волнует.

– А то, что тебе плевать! – выкрикнула Ася. – Он ведь... он... мертв! Мертв! – Она рассмеялась в слезах. – Умер...

Я же, в свою очередь, продолжил идти. Удалившись метров на тридцать от Аси, я остановился. Вернее, неведомая сила остановила меня – так мне показалось. Стало как-то мерзко и досадно, тем не менее я развернулся и пошел обратно в сторону Аси – она все так же рыдала, только уже сидя на земле.

Увидев меня, она улыбнулась. Та улыбка до сих пор сидит в моей памяти, до сих пор волнует мое сердце. Я бросил свой чемоданчик наземь и уселся рядом. Мы сидели молча, было тихо, лишь изредка ветер шуршал листьями, а Ася то и дело шмыгала носом. Девушка злила меня, и злость эта притягивала. Она казалась жалкой, неуравновешенной, неразумной, но при этом была такой притягательной. В отличие от других учеников, она не выглядела лживой, наоборот, казалась до неприличия откровенной, тем не менее все ее существо было тайной. Прежде мне не доводилось видеть столь притягивающего и в то же время отталкивающего одновременно.

– Я Арсений, – вымолвил я.

Осень

Так завершилось все то банальное, что так или иначе заканчивается в жизни каждого. Вслед за жизнью Учителя за горизонтом померкли воспоминания об учебе и безопасности прожитых дней; приятели и друзья остались на том берегу, все четче прорисовывалась граница между прошлым и настоящим. Кто-то просто исчез – не сказав ни слова, кто-то переехал в другой город, кто-то даже покинул страну, а о ком-то я и сам позабыл, к моему глубочайшему стыду. Все бывшее прошло, рисуя приближение устрашающей бесконечности.

Меня выбросило в большой мир, от которого я, да и многие другие предпочли бы бежать прочь, в более уютные миры, в миры, нетронутые чем-то страшным, глобальным и непонятным, в миры, где все казалось проще. Боже, сколько же этих миров? Сколько в них обитателей? У меня не было возможности бежать в один из них, ведь моему взору открылась эта бездна, и более я не мог там находиться. Врата в иные миры были для меня заперты – они закрылись навеки и унесли с собой легкость бытия.

Жизнь стала иной; она представлялась чем-то вроде пустыни, в песках которой сокрыто множество неизвестного, а на поверхности лишь пустота, голод и засуха. Что будет дальше? Куда идти? К чему стремиться? Такие вопросы по-

рою возникают, если жизнь была прожита по чьему-то сценарию, по наставлению родителей, например, или же, хуже того — прожита совершенно бездумно. И тут я не был исключением. Так или иначе, голод, действительно, возник на горизонте. Бедность уже стучала в дверь, а в мое существо все глубже проникал ужас той беспочвенности, что мне довелось познать.

Мне удалось найти подработку — то были мелкие заказы за гроши, зачастую мало связанные с подлинным искусством. От заказа к заказу удавалось жить; от заката к закату удавалось и мыслить. Вопрос о смысле бытия, как бы банально и наивно он ни звучал, как бы пуст он ни был для большинства, по-прежнему играл важную роль в моей жизни. Найти ответ на него было не столько желанием любопытного человека разгадать тайну, сколько потребностью живого существа найти хотя бы один повод продолжать эту жизнь и утвердиться в ней. А жизнь виделась все мрачнее и мрачнее. Казалось, только ответ на этот вопрос и может спасти, а между тем он был лишь причиной гибели.

Случались редкие встречи с Асей — они были странными, то холодными, то безразличными. Наши разговоры всегда казались чем-то непонятным, абстрактным, вынужденным. Каждый из нас говорил о чем-то своем, будучи в себе самом. Могут ли люди вообще понять друг друга? Казалось, между нами невидимая стена, но это не мешало нам видеться снова. И все-таки тогда меня раздражали эти встречи. Ведь

мне, как человеку, ищущему сути, недоставало осмысленности, но приходилось довольствоваться и этим. Все стремительно становилось прошлым, причем куда стремительнее, чем прежде.

Тучи поселились на небе, то и дело лил дождь. Было холодно, сыро и серо. В один из таких дней и состоялась наша очередная встреча. Мы увиделись днем и до вечера бродили по окрестностям старого города. К вечеру стало холодать. Не желая расставаться так рано, мы направились в ближайшее кафе. Мы устроились в самом углу – подальше от чужих глаз. Ася принялась за кофе, я же пил только воду.

В первой половине дня, когда мы гуляли, говорил в основном я – рассказывал о своих мыслях, о книгах, о том, что мне довелось узнать. Когда же мы засели в кафе, слово взяла Ася.

– Ты видишься мне таким глупым, притом что сама я истинный глупец. Каждый раз, когда ты рассказываешь, что прочел новую книгу, я вижу, как ты становишься все грустнее и холоднее. Стоит ли оно того? Все эти книги – ради чего, ради скорби? – со скукой, помешивая свой кофе, начала она.

– Не суди о том, в чем не смыслишь. Да и где ты увидела скорбь? Напротив, мне становится лучше. Лучше душе!

– Душе? Где она? Да и что есть душа? Ты узнал? В твоих книгах написали об этом? – Немного погодя она продолжила: – Почему, кстати, душа не есть музыка? Признаться, мне всегда музыка была милее, чем все вот эти искусства. Ведь

по сути своей это лишь вещи, где в них душа-то? Всего лишь холст, измазанный красками. Раньше там хоть мастерство в исполнении было, а сейчас уже и этого не сыскать; какие-то брызги, мазня, а между тем, все это – часть материального мира. Одним словом – материя. Разве можно нематериальную душу выразить материальными средствами? Это же глупо!

– Но мы ведь можем записать нематериальные мысли. Хоть мысли и не есть материальное. Мы ведь даже не видим их. Только потому, что мыслю я, мне приходится верить в то, что мыслишь и ты. Впрочем, кто знает, может там пустота?

– О, я знаю, что там, но тебе лучше не знать, – мрачно отрезала Ася. – И все-таки я не согласна. Мысли – это мысли. Смотри, сколько их: десятки, сотни, тысячи. Видишь? Мысли – это хаос, это мелочь! А вот душа – это гармония. Это совершенство!

– С чего ты вообще взялась рассуждать о душе? Ты ее видела? Как можно говорить о том, о чем понятия не имеешь? – с раздражением высказался я.

– Ужас! – возмутилась Ася. – Зачем же мне ее видеть? Я же вот и спрашиваю: почему душа не может быть музыкой? Ты же не видишь музыку?!

– Я ее слышу.

– Слышать мало, разве ты поймешь хоть что-то, только услышав? Разве ты поймешь речь немца, не зная немецкого? Ты услышишь, но ничего не поймешь. Ведь надо понимать,

а еще лучше – чувствовать! В том-то и дело! – выпалила Ася в восторге от собственных размышлений. – А вот вы – художники...

– Кто вы? Я не художник, – перебил я.

– Художник-художник! Так вот, столько всего надуманного вокруг вас, вокруг одной лишь персоны, нежели самой картины. Оттого вы свою подпись цените больше, чем картину. Если бы в картине была душа, ценили бы так подпись? Вот об этом я и говорю. Но ценят-то именно подпись! Значит, нет никакой души в картине! Раньше, в Средние века, художники не оставляли подпись, и это было справедливо. А теперь лишь какое-то самолюбование. Где же все то, что было раньше? Когда я прочла воспоминания Константина Коровина, я была очарована ими. Ах, какие же чуткие были наши художники! Левитан, что так тонко прочувствовал природу нашей родной земли. Врубель со своими демонами, со своей драмой. Саврасов с его угрюмыми пейзажами. Ничего этого нет, все кануло в Лету! Я поступала на художника, будучи очарованной всем этим. Жаждала попасть в этот романтический мир. А что в итоге? Я еле терпела своих сокурсников – дураков, их позерство, то и дело переходящее в кичливость... А хуже то, как они топчут наше наследие, как им плевать на нашу культуру! Спроси десятерых, и девять из них скажут, что хотят куда-нибудь во Францию, может, в Бельгию или Японию. Что это за художники такие безродные? Вернее, что это за художники такие, что не видят

прекрасного у себя под носом? Хотят найти прекрасное где-то там – в далеких далях. Есть, конечно, иные, но Господи, их так мало! Хотелось бы побольше! Я оттого и начала ходить к нашему Учителю, ибо разочаровалась. Учебу я бросила, но к нему ходила, хоть и не особо люблю рисовать. Я была влюблена в тот мир, что открылся мне в воспоминаниях Коровина – я искала его. – Угрюмо помолчав немного, она заключила: – Но все-таки музыка куда душевнее, ведь так? Так?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.